

службу негодныхъ; если и таковыхъ къ удовольствію церкви не хватитъ, то взять и изъ годныхъ въ службу, но присягавшихъ, и то не больше потребнаго на дѣйствительный штатъ числа. Вообще, видимо, правительство съ большою неохотой дѣлало ограниченія ревностныхъ администраторовъ. Свое распоряженіе о возвращеніи взятыхъ незаконно въ войска оно обставляетъ многочисленными замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: „если по необходимой нуждѣ безъ нихъ пробыть невозможно“, „если подлинно безъ нихъ при церквахъ обойтись не можно“, если „другихъ на ихъ мѣста опредѣлить будетъ некого“ ¹⁾.

Правительственный указъ 28-го сентября между тѣмъ все больше расходился съ жизнью, и все отчетливѣе выступали его внутреннія противорѣчія. Дѣло о разборѣ неприсягавшихъ дѣлало совершенно невозможнымъ исполненіе другихъ пунктовъ сентябрьскаго опредѣленія. Донесенія изъ многихъ епархій, какъ мы уже видѣли, показали, что духовное сословіе тамъ не настолько вовсе многочисленно, чтобы выставить изъ своей среды даже такой контингентъ, какой требовался для замѣщенія существующихъ вакансій и для запаса впредъ на свободныя мѣста. Предписаніе же взять въ

1) П. С. З. X, 7198. Злоупотребленія при разборѣ были неизбѣжны. Люди, завѣдывавшіе этимъ дѣломъ, не упускали случая поживиться на счетъ духовенства или дать разгулъ своей грубой натурѣ, такъ что множество обидъ приходилось претерпѣть духовенству не только отъ высшихъ властей, но и отъ второстепенныхъ. Въ той же новгородской губерніи, напримѣръ, великолуцкій воевода Чернцовъ съ канцеляристомъ Сивцовымъ безжалостно обирали и тиранили служителей церкви. Отъ 30 апрѣля 1737 года новгородская коммиссія о разборѣ доносила Синоду, что, по приказанію Чернцова, многіе священнослужители, дьячки и пономари безъ опредѣленія биты плетьюми, а за что, про то невѣдомо, да къ тому же еще многіе священно-служители и причетники особливо биты руками канцеляриста Потапа Сивцовскаго... Берутъ за сказки съ каждаго попа по 30 и по 50 к., съ дьячка и пономаря по 15 и по 20 к., а съ другихъ по 80 и по 100 к. и болѣе, а ежели кто не даетъ, то таковыхъ вышепоказанный канцеляристъ Сивцовскій своими руками дереть за волосы и бьетъ по щекамъ и топчетъ ногами, яко злодѣевъ, и продолжаетъ многое время волокитами для своихъ бездѣльныхъ корыстныхъ цѣлей и не пишетъ сказокъ, по недѣлѣ и по двѣ волочить, отъ чего уже многіе не токмо священнослужители, діаконы и прочіе церковные причетники и ихъ дѣти, но и сущіе младенцы съ матерями бѣдствуютъ и плачутъ неутѣшно“ (Дѣло 1737 г. № 206).

службу всѣхъ годныхъ неприсягавшихъ еще болѣе обострило положеніе дѣлъ. Неприсягавшихъ позволялось оставлять *только* на дѣйствительныя приходскія должности, не выходя изъ предѣловъ крайней потребности. Сенатское опредѣленіе по поводу новгородской тяжбы подтверждало это. Но число неприсягавшихъ было огромное (гораздо болѣе 5,000). Большинство дѣтей духовенства не были у присягъ, а изъ нижегородской епархіи пришло извѣстіе, что тамъ лишь 13 человекъ въ городѣ Арзамасѣ значатся бывшими у присяги, да и то у одной 1731 года ¹⁾. Итакъ, если исполнить указъ о разборѣ неприсяжнымъ, то объ отчисленіи въ запасъ равнаго составу приходскихъ причтовъ числа людей нечего было и думать. Кромѣ того, вѣдь могло оказаться и оказалось, что неприсягавшіе болѣе достойны быть опредѣленными къ церквамъ, чѣмъ присягавшіе. Поэтому епархіальныя начальства, во вниманіе опять къ правительственному распоряженію избирать „достойныхъ“ кандидатовъ, иногда дѣйствительно на свой страхъ отдавали предпочтеніе грамотнымъ, хотя и неприсяжнымъ, предъ присяжными безграмотными, отдавая послѣднихъ въ солдаты, а первыхъ опредѣляя въ причтъ (въ Тамбовѣ, въ Москвѣ) ²⁾. Но свѣтскія власти въ провинціи съ трудомъ рѣшались назначать къ церквамъ изъ неприсягавшихъ, несмотря даже на разрѣшеніе правительства уступать „крайней нуждѣ“; очевидно онѣ опасались, какъ бы не привлечь на себя молніи гнѣва сверху. Во владимірской епархіи, напримѣръ, въ обрѣзъ должны были оставить 54 человекъ неприсяжныхъ. Но воевода Засѣцкій опасался оставить такъ много, по его мнѣнію, и согласился лишь на то, чтобы „у которыхъ церквей значатся оставшіе весьма малолѣтніе и престарѣлые и церковной службы править нынѣ не могутъ, учинить прибавку по одному человекъ въ церкви“. Оставлено было только 18 человекъ, а епархія находилась далеко не въ утѣшительномъ положеніи. Изъ Владимира писали (отъ 20 февр. 1737 г.), что „при нѣкоторыхъ, какъ городскихъ, такъ и уѣздныхъ, церквахъ имѣется церковниковъ весьма малое число, а у иныхъ церквей возрастныхъ и въ церковную службу достойныхъ церковниковъ и

1) Дѣло 1736 г. № 171.

2) Дѣла въ архивѣ Св. Синода 1736 г. № 169 и 177.

ихъ дѣтей, кромѣ малолѣтнихъ, никого не имѣется“¹⁾.

Тѣмъ временемъ положеніе становилось критическимъ, если съ такою строгою осмотрительностью остерегаться назначенія неприсягавшихъ. Церковная жизнь прямо тормозилась. Провинціальныя духовныя и свѣтскія начальства, видимо, подобно владимірскому воеводѣ, находились въ нерѣшительности, которая и понятна, если принять во вниманіе, что еще въ 1735 году неприсягавшимъ былъ закрытъ доступъ въ причтъ, а разрѣшеніе, данное въ сентябрьскомъ указѣ 1736 года, было какъ бы вынужденное и во всякомъ случаѣ не совсѣмъ опредѣленное (тамъ говорилось, что если въ которой епархіи неприсягавшіе явятся всѣ, то оставлять и изъ нихъ, по самой крайней нуждѣ). Гедеонъ Смоленскій въ февралѣ 1737 г. доносилъ Синоду, что, по пересмотрѣ 141 церкви его епархіи, назначено къ разбору въ солдаты 36 чел., но на умершія и убылыя мѣста еще никого не опредѣлено и опредѣлить не изъ чего, такъ какъ епархія его малолюдная, а почти всѣ церковно-служительскія дѣти у присягъ не были и онъ ихъ назначать не рѣшается. Въ іюнѣ, по его другому доношенію, дѣла оставались въ прежнемъ видѣ: свободныя вакансіи пустовали²⁾.

Въ Суздалѣ разборъ неприсягавшихъ угрожалъ прямо кризисомъ: „Если, писалъ еп. Аѳанасій—(2 февр 1737 г.), небывшихъ у присягъ церковниковъ и ихъ дѣтей, по силѣ ея императорскаго величества указовъ, отдать всѣхъ въ службу, то въ епархіи моей при церквахъ хотя и по два человѣка опредѣлить дѣйствительныхъ, то въ такое число не достанетъ 520-ти человѣкъ“³⁾.

Рязанскій еп. Алексѣй (25-го апр. 1737 г.) жаловался, что въ его епархіи совсѣмъ нѣтъ достойныхъ кандидатовъ въ причтъ. Церкви не удовольствованы, потому что какъ присягавшихъ, такъ и неприсягавшихъ дѣтей духовенства, „достойныхъ людей и во чтеніи книжномъ искусныхъ“ и имѣющихъ указанный возрастъ, не находится; нашлось, да слишкомъ мало, и ни въ дѣйствительный причтъ, ни впредь на убылыя мѣста назначать некого; „а которыя хотя по нуждѣ изъ оныхъ церковниковъ къ церквамъ святымъ и назначены—

1) Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1736 г. № 165.

2) Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1736 г. № 163.

3) Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1736 г. № 164.

ниже и выше указанныхъ лѣтъ—и тѣ во чтеніи книжномъ не изъ самаго искусства, а больше явилось малолѣтнихъ и престарѣлыхъ, вдовыхъ, двоеженцовъ и троеженцовъ“. При такихъ условіяхъ было не до различія присяжныхъ отъ неприсяжныхъ; руководились лишь грамотностью и отдали въ солдаты безграмотныхъ, а хоть мало-мальски грамотныхъ оставили. Высшему духовному правительству, повидимому, это не совсѣмъ понравилось, такъ какъ оно нашло нужнымъ подтвердить, чтобы изъ небывшихъ у присягъ въ Рязани оставляли въ церковномъ причтѣ „только при таковыхъ церквахъ, гдѣ того необходимая нужда востребуетъ, т. е. гдѣ не имѣется дѣйствительныхъ дьячка и пономаря, да и то съ таковымъ усмотрѣніемъ, буде кромѣ тѣхъ неприсягавшихъ изъ прочихъ, кои у присягъ были, на тѣ мѣста опредѣлить будетъ некого, или достойныхъ не явится“. Синодъ готовъ былъ, въ чувствѣ трепета предъ грознымъ правительствомъ, наполнить церкви скорѣе стариками, чѣмъ неприсягавшими, и поучалъ рязанскаго епископа: „А при которой церкви нѣтъ попа или діакона дѣйствительныхъ, и къ такимъ церквамъ въ дѣйствительную службу распредѣлить... оставленныхъ для пріисканія праздныхъ мѣстъ вдовыхъ и престарѣлыхъ поповъ же и діаконовъ;... а чего изъ таковыхъ на тѣ убылыя мѣста уже неостанетъ, или за негодностью толикаго числа, елико потребно быть надлежитъ, изъ присягавшихъ не взыщется, то опредѣлить изъ неприсягавшихъ церковниковъ. А прочихъ неприсягавшихъ всѣхъ отдать въ службу, и впредь изъ нихъ ко опредѣленію на убылыя мѣста никого отнюдь не оставлять“ (25 мая 1737 г.)¹⁾.

Изъ Костромы извѣщали (14 іюня 1737 г.) въ Петербургъ, что тамъ для опредѣленія къ церквамъ нужнаго числа не находится и четвертой доли изъ присягавшихъ. Пока поставлены неприсягавшіе церковники и ихъ дѣти. Но епархіальное начальство было не увѣрено въ правотѣ своего распоряженія и спрашивало у Синода, можно ли утверждать таковыхъ въ должности²⁾.

Не одни только низшія степени клира невозможно было замѣтить безъ неприсяжныхъ. Жизнь выдвинула и другой

1) Въ дѣлѣ 1736 г. № 164.

2) Тамъ же.

вопросъ—о посвященіи въ священный санъ безпощадно караемыхъ за „безстрашіе“ мнимыхъ политическихъ преступниковъ. Правительственные указы не говорили ничего о произведеніи въ священно-служители неприсягавшихъ; они позволяли съ неохотой лишь опредѣлять ихъ церковниками. Синодальныя распоряженія, начиная съ 1735 года, безусловно запрещали такое производство. Мы уже упоминали, что тѣмъ не менѣе нарушенія этого запрещенія случались нерѣдко. Однако, то были сравнительно единичные случаи. Теперь же, съ половины 1737 года, поступаетъ въ Синодъ рядъ ходатайствъ разрѣшить посвященіе неприсягавшихъ, чтобы не нарушать нормальное теченіе религіозной жизни народа.

Въ іюнѣ 1737 года было получено нѣсколько донесеній изъ епархій, которыя свидѣтельствовали, что разборъ и слѣдствіе о присягахъ все больнѣе затрогиваютъ церковную жизнь. Изъ Суздаля Аѳанасій писалъ, что февральскій указъ 1735 года воспрещаетъ посвященіе неприсягавшихъ въ причтъ, а, по справкѣ, въ его епархіи при 13 церквахъ нѣтъ священниковъ, при 73—діаконовъ, при 139—дьячковъ, при 238—пономарей, а при 5 церквахъ ни поповъ, ни причетниковъ нѣтъ. Нѣкоторыя церкви стоятъ безъ всякаго священно-служенія, нѣкоторыя „исправляются съ нуждою“. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ приходскіе люди писали, что родившія жены лежатъ долгое время безъ молитвъ, многіе люди умираютъ безъ покаянія и безъ причастія. Прихожане просили о произведеніи поповъ, діаконовъ и причетниковъ изъ неприсягавшихъ церковниковъ и дѣтей духовенства. Епископъ съ своей стороны присовокуплялъ, что въ его епархіи „не точію изъ бывшихъ у присягъ зѣло малое число имѣется, такъ что, по одному дьячку и по одному пономарю къ каждой церкви опредѣлить толикаго числа не имѣется, за тѣмъ, что иные явились въ подозрѣніи, иные грамоты не умѣютъ, и которые умѣютъ - зѣло плохо умѣютъ и надежды учиться нѣтъ, понеже за 30 и за 40 лѣтъ имѣется, за что и за небытіе у присягъ такіе всѣ отданы въ службу. А я, по силѣ ея императорскаго величества запретительныхъ указовъ, въ пона, діакона, во дьячка, пономаря изъ небывшихъ у присягъ производить не смѣю“ ¹⁾.

1) Дѣло въ архивѣ Св. Синода 1736 г. № 164.